

[Polaris]

ВЫЗОВ

ИЗВНЕ

НФ/ФС

Две новеллы-буриме

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХ

Salamandra P.V.V.

ВЫЗОВ ИЗВНЕ

НФ / ФС

Две новеллы-буриме

Salamandra P.V.V.

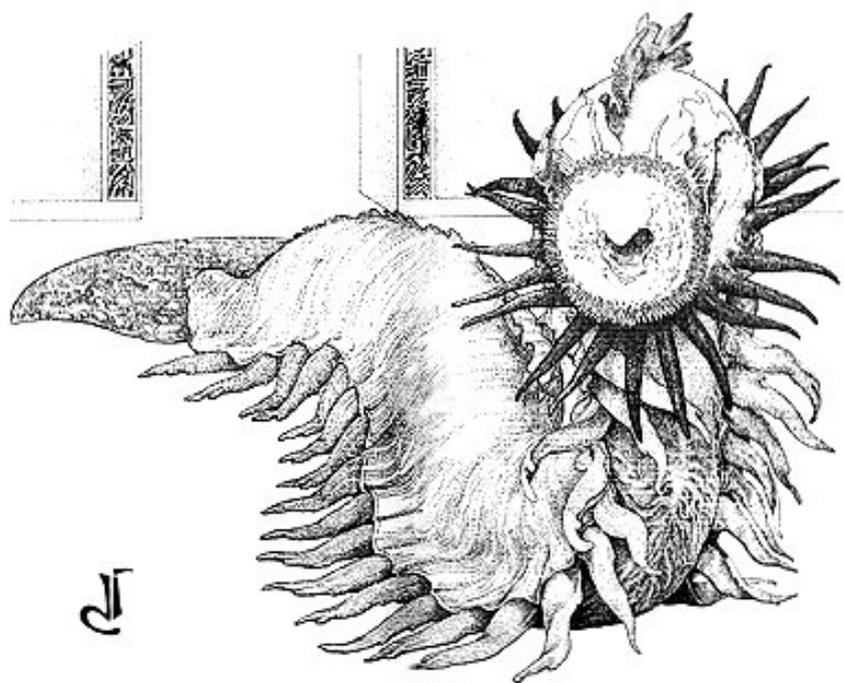
Вызов извне: НФ /ФС. Две новеллы-буриме. Пер. Л. Панаевой. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 54 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССР).

«Вызов извне» — замечательный эксперимент, затеянный в 1935 г. к юбилею американского журнала «*Fantasy Magazine*». Редакция предложила десяти авторам принять участие в написании двух новелл-буриме с одинаковым заглавием, одна из которых должна была представлять научную фантастику, а другая — «фантастику странного». На этот «вызов извне» откликнулись выдающиеся писатели, чьи имена навсегда вошли в историю фантастики, от Г. Ф. Лавкрафта, К. Мур и Р. Говарда до С. Вейнбаума, М. Лейнстера и Д. Уондри.

© Authors, estate, 2019

© L. Panaeva, перевод, 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

25

ВЫЗОВ ИЗВНЕ

НФ

**Стенли Г. Вейбаум
Дональд Уондри
Эдвард Э. «Док» Смит
Харл Винсент
Мюррей Лейнстер**

Глава 1

Стенли Г. Вейнбаум

— Нет такой вещи, как истина! — рывкнул профессор Тадеус Краббе, свирепо глядя на своего молодого помощника Джерри Блейка. — Ни один факт и ни одно утверждение не являются полностью истинными!

— За исключением вашего последнего заявления, я полагаю, — усмехнулся молодой человек, выглядывая из темного угла астрофизической лаборатории Фонда Краннана. — А кстати, чем вообще вызвано это замечание?

Краббе выпрямил свою огромную тушу.

— Повторяю, — произнес он с внушительным достоинством тучного мужа науки, — что истина — вопрос сугубо относительный. Все зависит, как показал Эйнштейн, от точки зрения наблюдателя. Как и все остальное во Вселенной Эйнштейна или де Ситтера*, истина всецело относительна, и более того, она, вероятно, также искривлена. Любопытная идея, — задумчиво заключил он. — Кривая правда.

Блейк рассмеялся.

— Так к чему эта вспышка?

Профессор снова нахмурился.

— Эти тупые директора! — зарычал он. — Никаких ассигнований, если я не сумею доказать, что моя теория истинна. И они требуют гарантий, что эксперимент не отразится на Фонде. С тех пор, как отдел биохимии основательно подмочил репутацию Фонда в прошлом году, они боятся неприятностей. Истина — ха!

— Какой эксперимент? — спросил Блейк.

— Я подумывал вам рассказать, — Краббе опустил свое огромное седалище на стул. — Вы, конечно, не поймете, бу-

* В. де Ситтер (1872-1934) — нидерландский астроном, многолетний директор Лейденской обсерватории, создатель релятивистской космологической модели, послужившей основой позднейших теорий расширяющейся Вселенной (*Здесь и далее прим. пер.*).

дучи всего лишь статистиком — но, возможно, сможете оценить обоснованность концепции. Даже статистик должен что-то знать о фактах, представленных его цифрами.

— Ну, профессора редко что-нибудь знают о цифрах, представленных их фактами, — весело заметил Блейк.

— Искривленное пространство, — пробормотал Краббе. — Искривленное время. Бесконечно мертвое прошлое. И более того, — продолжал он, — искривленные размеры! Почему бы и нет? Если представить себе телескоп, позволяющий видеть грандиозные пространства, и микроскоп, исследующий бесконечно малые миры — почему бы им не открывать нам одно и то же? Ну конечно! И, глядя в телескопы и микроскопы, мы должны также видеть промежуточное звено между макро- и микрокосмом, то есть самих себя. Мы стоим на полпути между электронами и звездами. И потому, отчего бы и истине не быть искривленной?

— Почему бы и нет? — невозмутимо отозвался Джерри.

— Вы, кажется, не принимаете меня всерьез, — подозрительно сказал профессор. — Естественно, вы не разбираетесь в парадоксах теории относительности, тех самых парадоксах, изучить которые был призван мой эксперимент... вот только эти тупые директора не позволяют мне нанять добровольца!

— Мне показалось, — сказал Блейк, — что вы собирались объяснить, в чем состоит ваш эксперимент.

— Объяснить? Как мне объяснить это глущу, привыкшему лишь жонглировать цифрами? Что ж, слушайте, если хотите. Не ожидаю, что вы поймете — недаром Джинс* сказал: «Большинство символов, используемых сегодня математическим физиком, не создают в его уме физической картины». Но в целях объяснения обратимся к более уместному наблюдению Шепли**: он утверждает, что спиральные ту-

* Д. Х. Джинс (1877-1946) — видный британский физик-теоретик, астроном и математик.

** Х. Шепли (1885-1972) — американский астроном, автор модели нашей Галактики, активный исследователь спиральных туманностей и прочих галактик.

манности не подчиняются всем известным законам механики. Далее он высказывает очень важное предположение, замечая, что эти огромные туманности действуют словно проводники материи, выталкиваемой сквозь них в наше трехмерное пространство — *извне*. Именно это наблюдение привело меня к изучению вихреков, то есть вихревых потоков, ибо колоссальные спирали внегалактических туманностей и представляют собой непостижимо громадные вихревые потоки. Мне пришло в голову воспроизвести условия туманности в лабораторном масштабе. Сердцевина моего эксперимента — вихреков. Но не просто вихревой поток в обычном смысле этого слова.

— Безусловно, нет, — дружелюбно согласился Блейк.

— Нет, далеко не обычный вихревой поток. Во-первых, он должен создаваться в настолько разреженном газе, что его можно было бы назвать практически полным вакуумом: такова степень разреженности газовых сердец туманностей. И, конечно же, звездные скопления, их спиральные рукава, не могут быть воссозданы человеческими силами, — Краббе помолчал, нахмурившись. — Но туманность — это нечто большее, чем вихрь разреженных газов. Существует и огромный гравитационный вихрь, который мы, смертные, также не в силах воспроизвести. Я заменил его магнитным вихрем, вращающимся силовым полем. И наконец, чтобы окончательно завершить процесс воссоздания известных нам явлений, я наложил на эти вихреки вихревой поток радиации.

— И когда вы все это проделали, — риторически спросил Блейк, — что у вас получилось?

Водянисто-голубые глаза Краббе метнулись к его лицу, и круглая физиономия профессора расплылась в улыбке.

— Я получил дыру, — заявил он. — Дыру или туннель.

— Дыру в чем? Туннель куда?

— В чем, не могу сказать. И куда ведет туннель, я не знаю.

— Хм! Должен заметить, что не могу винить дирекцию. Никому не хочется вливать деньги в какую-то бездонную дыру.

Краббе не обратил на его слова никакого внимания.

— Итак, в центре вихревого потока я получил туннель.

К несчастью, кролики и кошки не обладают тем, что людям нравится называть своим разумом; мои посланцы не могли придумать способ возвращения — если, понятно, были физически в состоянии вернуться. Поскольку этот конец туннеля находится в вакууме, их необходимо было отправлять в закрытых сосудах, а в герметическая среда не способствует долгому выживанию. Разве что им удалось выбраться... Несколько раз я пробовал прикреплять к контейнерам шнуры и вытаскивать их обратно. Кошки и кролики возвращались испуганными, в этом сомнений нет; но возможно, они были бы так же испуганы, опусти я их ненадолго в канализацию. Определенно сказать ничего не могу.

— Вы пробовали заглянуть в дыру?

— Видимость ограничена, — ответил Краббе. — Оптический эффект довольно поразителен: казалось, что кошка и контейнер не удалялись, а уменьшались. Выглядело это так, словно контейнер с кошкой висел в пространстве туннеля и удалялся, но удалялся, так сказать, на расстоянии вытянутой руки. Очень странно. Если бы тупая дирекция позволила мне оплатить услуги добровольца, который отправился бы туда, провел наблюдения и вернулся с отчетом... — профессор вдруг бросил на Блейка взгляд водянистых глаз. — Силы небесные! Да ведь отправиться можете *вы!*

— Я? Вы с ума сошли!

— С ума сошел, а? Кого волнует, что произойдет со статистиком?

— Меня, — твердо заявил Блейк.

— Но подумайте о возможностях! Неужели вы совершенно равнодушны к научной славе? Я счел бы за честь рискнуть жизнью ради такого дела!

— Так почему бы вам не попробовать? Если, конечно, вы сумеете протиснуться в дыру.

Некоторое время Краббе задумчиво смотрел на молодого человека.

— Ну ладно! — внезапно решил он. — Я скажу вам, что мы сделаем. Мы возьмем два защитных костюма с кислородными баллонами и отправимся туда *вместе!*

Глава 2

Дональд Уондри

— До сих пор я об этом и не думал... Но раз уж вы доказали, что ничего не смыслите в цифрах, представленных вашими фактами — я, так и быть, присоединюсь. За вами нужен глаз да глаз!

Краббе побагровел.

— Что за дерзость! — взревел он. — Я мог бы уволить вас за это... это...

— «Это» обычно называют наглым нарушением субординации. Но вы меня не уволите. К слову, мы возьмем три скафандра.

Огромная туша профессора задрожала, но он скорее заинтересовался, чем рассердился.

— Почему три? Нас всего двое.

— Еще одно доказательство, что вы не статистик, — ответил молодой ассистент, снова кольнув самолюбие профессора. — Во-первых, запасной костюм нам может понадобиться на случай экстренной необходимости. Во-вторых, в вортексе мы можем оказаться не только вдвоем. Может быть, мы также подвергнемся искривлению и превратимся в массу искаженных проекций себя в произвольном количестве измерений. По правде говоря, нам следовало бы взять с собой куда больше скафандров, чем мы можем себе позволить.

— А в-третьих? — язвительно спросил Краббе.

— В-третьих, — невозмутимо продолжал Джерри, — даже если нам хватит всего двух скафандров, мы можем вернуться с чем-нибудь или кем-нибудь.

— Например?

— Откуда мне знать, черт возьми? — насупился Джерри. — Вдруг найдем четырехмерное яйцо, или пятиполюе нечто, или истинную реальность.

— Четырех... пяти... реаль... — пробормотал Краббе.

— Ну да. Поглядите в зеркало: вы увидите себя и некоторые здания. Изготовив достаточно большое зеркало, вы по-

лучите отражение Вселенной. Но предположим, что сама Вселенная — это просто зеркало? Возможно, пройдя через туннель, мы обнаружим, что Вселенная — всего-навсего зеркало, отражающее истинную реальность за ее пределами.

— Плодотворная мысль! — буркнул Краббе.

— Мысль замечательная! — торжествующе парировал Блейк. — Вы не существуете. Я не существую. Никто не существует. Вселенная — это обман. Это просто колоссальное зеркало, отражающее природу потусторонней реальности. Вы создали яму, туннель, воронку, и теперь мы выберемся.

Огромное тело профессора внезапно заколыхалось, и он заковылял прочь.

— Заткнитесь наконец! Хватит болтать! Займитесь делом! В Фонде Краннана есть все необходимое. Приступим к эксперименту завтра вечером.

Джерри умолк и принялся за работу. К рассвету все три скафандра были готовы. Но, когда Краббе и его помощник встретились вечером в лаборатории, три скафандра превратились в два.

Профессор уставился на Блейка.

— Почему это вы спрятали третий скафандр?

— Можете меня обыскать. Зачем мне его прятать?

Краббе сердито посмотрел на установку вортекса.

— Вероятно, в следующий раз вы мне скажете, что он сам по себе отправился в туннель. Ненавижу тайны, черт побери! Ключи от лаборатории есть только у нас с вами и в сейфе дирекции. Вы тщательно обыскали лабораторию?

— Нет. Я пришел за несколько минут до вас. Но я отчетливо помню, что оставил три приготовленных скафандра на столе. Однако... что-то могло пройти через воронку...

— И взять один из костюмов? Тьфу! — фыркнул профессор. — Любое существо, что может попасть сюда, явится в собственном скафандре, защищающем его от нашей атмосферы. Наш защитный костюм ему ни к чему.

— Но мне он пригодится! — раздался за их спинами звонкий голосок.

Профессор и Блейк резко обернулись. Из кладовой в дальнем конце лаборатории появилась фигурка, затаенная в стран-

ную оболочку, нечто среднее между водолазным костюмом и космическим скафандром. Голос отчетливо доносился из переговорного устройства, встроенного в шлем. Видны были лишь карие блестящие глаза и маленький воинственный носик.

— Воровка! — прорычал Краббе. — Приказываю вам немедленно снять скафандр!

— А я приказываю вам перестать кричать, — передразнила его злобный голос Леора Краннан. — Кроме того, я не воровка. Мой дед основал этот фонд, а мой отец — один из директоров. И это на их деньги вы...

— Защитный костюм разработан мной. Так же, как и туннель. И сейчас мы с Блейком отправимся туда.

— Кто же вам мешает? И я с вами, — беспечно отозвалась девушка, направляясь к вихреку. — На случай, если вы не знали: в стены всех лабораторий много лет назад были встроены звукозаписывающие устройства. Дирекция Фонда осведомлена о ваших планах, и я отправляюсь в вами.

— Послушай, Ли, мы не можем тебе этого позволить!

— Я запрещаю вам входить в мой вихрек!

— С каких это пор кто-то получил исключительные права на дыру, особенно на дыру в пространстве? — нежным голоском произнесла Леора, отвечая Краббе — и шагнула прямо в червоточину.

— О Господи, она не шутила! — нахмурился Джерри. — Быстрее! Нужно поскорее надеть скафандры и немедленно последовать за ней, иначе мы потеряем ее из виду.

Лихорадочно надевая скафандры, они заметили странное явление. Леора, оказавшись в вихреке, одновременно стала уходить в бесконечную даль и приближаться к их глазам. Это была странная двойная иллюзия огромного расстояния и непосредственной близости, уменьшения в приближении.

Когда Краббе и Джерри входили в вихрек, Леора остановилась, посмотрела на них — и исчезла, как они и боялись, из поля зрения. Оказавшись одна в туннеле, она едва не утратила мужество, но тут снова увидела Джерри и профессора, торопящихся по ее следам, и направилась дальше.

Глава 3

Эдвард Э. Смит

— Пристегни этот ремень к одному из колец на поясе, Джерри! — распорядился Краббе, прежде чем они покинули клапан или воздушный шлюз, ведущий в гигантскую трубу вортекса. — В противном случае, предвижу, нам будет трудно держаться вместе: мы ведь собираемся лично встретиться с мнимой единицей.

Внутри вортекса предсказание тучного ученого полностью оправдалось. Профессор и Джерри действительно могли видеть друг друга, как и ремень, соединяющий их; но обычное пространственное восприятие было совершенно лишено смысла в этом новом и поразительном континууме. Ремень тянулся бесконечно далеко, но расстояние между ними неуклонно стремилось к нулю; когда же они попытались приблизиться друг к другу, ремень *затянулся*, заставляя их разойтись! Сквозь ослепительную дымку они смутно видели лабораторию. Очертания знакомых предметов странно искажались в непостижимой перспективе; но времени глазеть у них не было — не успели они ненадолго задуматься о своих ощущениях, как их слуха достиг крик Леоры.

— Джерри, помоги! Я сделала шаг — во всяком случае, одно движение — к двери, через которую мы вошли, и она исчезла! Я сейчас кое-как различаю тебя, но боюсь подойти — вдруг ты тоже исчезнешь! Что мне делать?

— Ничего не предпринимайте, — холодно приказал ей Краббе. — Хотя ни чисто механический мозг статистика, ни слабый мозг женщины не могут понять этого факта, данная область характеризуется действительностью мнимой единицы; по крайней мере вам, Джерри, она известна как квадратный корень из минус единицы. Поэтому линия видимости и все другие векторы должны быть скорректированы на эту величину. Поскольку мисс Леора, конечно, не может определить истинного направления, я пойду к ней, а вас потащу за собой на ремне.

Он отошел в сторону под необъяснимым углом, и через мгновение Леора отчаянно вцепилась в руку Джерри.

— Но что же нам теперь делать? — взывала она. — Не видно ни двери, ни лаборатории, ничего!

— Элементарно, дитя мое, элементарно, — надменно успокоил ее Краббе. — Это просто вопрос координат и отклонения, которое я уже вычислил в уме с достаточной точностью. Пойдемте со мной, я легко найду дорогу назад.

Он двинулся по другой, столь же мучительной для восприятия траектории, и вскоре перед ними и впрямь появилось отверстие — но то был не трехмерный воздушный шлюз, отделяющий вихрекс от астрофизической лаборатории. Вместо этого за порталом открылась бесконечность пурпурно-зеленого света, наполненная непостижимой для разума субстанцией; и через это отверстие, вокруг них и сквозь них, хлестал наружу поток чего-то невидимого и неосязаемого, но в то же время осязаемого, как твердое железо!

— Ну да — ни один факт и ни одно утверждение не являются полностью истинными, — передразнил профессора неутомонный Джерри. — Даже то, что вы можете легко найти дорогу назад!

— Всего лишь деталь, — профессор беззаботно махнул рукой в неуклюжей рукавице. — Не будучи статистиком, не удивительно, что я упустил из виду отрицательный корень. Впрочем, эта мелочь в любой момент может быть исправлена. Теперь же, когда я здесь, какой вклад в науку я могу внести, исследовав и описав эту многомерную вселенную, открывшуюся благодаря моему вихрексу!

Непосредственно в отверстии вихрекса перед ними развернулась картина, при виде которой даже чрезвычайно напыщенный Краббе застыл в благоговейном молчании — зрелище по существу своему, в целом и в частности непостижимое для человеческого разума — явленный и воплощенный парадокс! Нечто присущее потоку, несущемуся по извилистой трубе, постепенно наделило их умы сверхчеловеческой ясностью и широтой восприятия. Мало-помалу они начали осознавать всю Вселенную, макроскопическую и микроскопическую. Галактики, солнечные системы, планеты, мо-

лекулы, атомы и электроны, все изобилующие мириадами разумных существей — вплоть до бесконечно крошечных строительных блоков самого эфира, существование которых Краббе смутно постигал благодаря своим обширным математическим познаниям, — все это развернулось перед ними в одном пространстве и в одно и то же время; но, несмотря на свои недавно приобретенные знания, трое путешественников не могли понять, где находятся в фантастической схеме этого невероятного космоса. Были ли они на самом деле больше, чем вся эта диковинная Сверхвселенная, или же представляли собой мельчайшие пылинки на поверхности одного из самых крошечных электронных миров? Они также не понимали, каким образом им удавалось передвигаться в этом странном континууме, который, как они знали, являлся земным вакуумом. Конечно, они не ходили, не летали и не парили, но двигались по своей воле, а иногда и непроизвольно.

Так они миновали отверстие и увидели, что край его был окружен массивными и сложными механизмами; каждый из этих механизмов направлял на вихревой поток пылающие силовые поля, в безумной ярости царапавшие и рвавшие конструкцию; пока что, однако, им не удавалось совладать с мощными генераторами, вызвавшими к жизни вихревой поток.

— Ах, я все понял! — воскликнул Краббе. — Вихревые потоки туманностей — это туннели в потусторонние миры, построенные разумными существами этого космоса. Они похожи на перепускные клапаны наших земных плотин, позволяющие отвести излишек воды; так и эти туннели отводят что-то — вероятно, избыточную энергию — которую наша Вселенная получает в виде зарождающейся материи. Наш вихревой поток пробил нечто, что должно было оставаться целым, и они пытаются заделать брешь!

— А если им это удастся? — опасно вскричала Леора. — Тогда мы не сможем вернуться домой, никогда не сможем!

— О, я бы так не сказал.

Заверения Джерри были грубо прерваны невидимой силой, которая пронесла трех путешественников по «воздуху» и поставила их, удерживая в неподвижности, перед огром-

ным, чудовищно сочлененным существом или структурой из разноцветного металла. Одновременно в их мозгу раздался оглушительно безмолвный голос:

— Кто вы такие? Откуда вы пришли? Зачем?

Разум быстро исследовал их сознание и теперь внушил им мысль:

— Ага! С более низких энергетических уровней? Знайте, жалкие умы, что такое вторжение неприемлемо!

Разум переключил свое внимание, освободив нарушителей границы так же внезапно, как захватил их; но они ощутили и поняли его немой приказ, обращенный к операторам механизмов на краю вихря:

— Эта червоточина появилась в нашей Вселенной по вине неких полуразумных существ Второго Уровня. Примените силу X72B31Q45 и уничтожьте ее физически!

С появлением новой силы еще яростней забушевали пылающие потоки ослепительной энергии, изливаясь из массивных излучателей у выхода из туннеля и обрушиваясь раскаленным сиянием на безумно вибрирующий вихрь, через который прошли три несчастных человеческих существа.

Глава 4

Харли Винсент

— Более низкие энергетические уровни, а! Жалкий интеллект, значит? — огромные складки скафандра профессора задрожали от еле сдерживаемой ярости. — Пусть соберут хоть все свои силы и попробуют потягаться с энергией моего вортекса! Пусть...

— Молчать! — прогремел беззвучный голос Разума, рядом с массивной механической формой которого они все еще парили. — И заметьте, апостолы невежества, с вами не закончили сразу только для того, чтобы вы смогли увидеть разрушение вашего ничтожного творения.

— Ха! — фыркнул профессор.

Он затих и задрожал от дурного предчувствия, когда ревушие силы на краю туннеля заполнили все пространство биением своих слитых воедино энергий. Разум, не обращая на них больше никакого внимания, растворился в отдаленной близости.

— У них получается, — жалобно произнесла Леора. — Посмотрите, Джерри, профессор — отверстие закрывается. Мы никогда не сможем вернуться.

Сказанное ею не было точным описанием реальных событий. Массивные механизмы, окружавшие вортекс, заняли тангенциальные позиции, и каждый из миллионов механизмов превратился в пылающее и дымящееся сопло, изливая в ющим в окружающее пространство огромные столбы кинетической энергии. Сам вортекс, словно движимый реактивными струями колоссального ротора турбины, невероятно ускорял свой обычный темп вращения. У них на глазах он превратился в пылающую, размытую массу.

— Фейерверк, — проворчал Джерри. — Напоминает мне гигантскую вертушку на палочке.

— Ты серьезно? — простонала Леора. — Разве ты не видишь, что происходит? Они будут ускорять вортекс, пока он не взорвется, а это обязательно случится....

— Чепуха! — выпалил Краббе. — Энергия неразрушима.

—И ни один факт или утверждение не являются полностью истинными, — начал Джерри. Леора предусмотрительно ткнула его под ребра, оборвав дальнейшие насмешки над профессором.

Происходило непостижимое: вортекс не расширялся под воздействием центробежных сил своего вращения, а напротив, сжимался в размерах. Отверстие закрывалось, как и говорила Леора. В то же время туннель непонятным образом перемещался в пурпурно-зеленой бесконечности, приближаясь к трем искателям приключений. Горячее дыхание безумных энергий заставило их отступить.

— А сейчас... — проревел неслышный голос Разума, — вашим никчемным существованиям придет конец, как и механизму вторжения, который вы по ошибке изобрели.

— Ах, — выдохнул профессор, схватив Джерри и девушку за руки. — Сюда.

Он повел их вдоль воображаемой линии, которая не была ни прямой, ни изогнутой и не соответствовала никакому земному уравнению или форме. Раздался глухой грохот, словно сама Вселенная испытала искривление, и они очутились в новой и крайне тревожной обстановке. На мгновение все погрузилось в кромешную тьму, в абсолютное ничто, а затем в туманной дали возникла яркая световая точка. Джерри внезапно осознал, что девушка прижимается к нему, и ощутил безудержную дрожь ее хрупкого тела.

— Теперь все потеряно, — воскликнула она.

Даже профессор Тадеус Краббе немного утратил своиственные ему напыщенные манеры.

— Подождите, — почти смиренно промолвил он.

Пятнышко света увеличилось в размерах и начало стремительно приближаться. Затем с внезапным, беззвучным великолепием оно взорвалось, осыпая необъятную тьму пылающими осколками.

— Опять фейерверк, — пробормотал Джерри.

Мириады световых искр остановились, усеивая далекие просторы звездами, созвездиями, туманностями. Они находи-

лись в новой и неизведанной вселенной, отрезанные и от своей привычной сферы бытия, и от странной вселенной, которую они только что покинули; могла показаться, что они вообще перестали существовать как человеческие создания.

Леора громко сглотнула, но мужественно не стала делиться своими страхами.

— Где-то там, — заметил профессор с ноткой беспомощности в голосе, — находится наша собственная Вселенная, наш вортекс — я настаиваю на том, что его не могли уничтожить — и наша лаборатория. Как-нибудь мы доберемся до туннеля... до дома...

— И до Фонда, — вставил Джерри, не в силах удержаться от насмешки.

Его замечание не вызвало протестов, что было весьма необычным для тучного мужа науки. Очевидно, ситуация оказалась серьезнее, чем он предполагал.

— Вы сказали «где-то», профессор, — мрачным, но твердым голосом произнесла Леора. — «Как-нибудь». У вас есть какой-либо план?

— Это потребует многих размышлений, самых внимательных размышлений, — признался Краббе. — Нужно произвести сложнейшие расчеты и тщательно удостовериться в их точности.

— Звукозаписывающие устройства в вашей лаборатории, — сказала Леора, будто невпопад, — уловили кое-какие ваши слова, касающиеся истины. «Искавленная истина» — так вы сказали, кажется?

Джерри усмехнулся.

— И кривая правда.

— Я серьезно, — укоризненно сказала девушка. — Я имею в виду теорию искривления пространства, даже того пространства, в котором мы находимся. Не могли бы мы пройти по кривой и таким образом вернуться к исходной точке?

— Женский ум... — привычно начал профессор, но тотчас понизил голос и продолжил более почтительно: — Да, это единственный возможный путь, моя дорогая юная леди; мы должны вернуться по кривой. Но расстояния немислимо велики; речь идет о тысячах и тысячах световых лет. Кроме

того...

Громоподобный, но беззвучный голос из ниоткуда, голос Разума, издевательски произнес:

— А кроме того, невежда, огромные изогнутые линии пространства *не возвращаются* к своим исходным точкам. Точки не совпадают благодаря действию внешних сил, находящихся за пределами вашего понимания; можете двигаться по кривой, но вы никогда не сумеете преодолеть разрыв между дугами великой окружности. Попробуйте, если хотите, глупые незваные гости. Вы никогда не сможете вернуться туда, откуда пришли.

Глава 5

Мюррей Лейнстер

Разум перестал быть рядом, и остались только три маленькие фигурки, жавшиеся друг к другу в пустоте, в непредставимой необъятности. Они не ощущали своего веса. Возможно, они были неподвижны. Или — что более вероятно — проносились через огромные просторы по какой-нибудь колоссальной орбите, которая через тысячу лет или около того приведет их к гигантскому солнцу. А потом их крошечные тела превратятся в микроскопические кометы с вытекающими из скафандров хвостами медленно испаряющихся газов. Неоткуда было ждать помощи или спасения. Жизнь их измерялась количеством кислорода в жалких маленьких баллонах, прикрепленных к спинам.

Что-то ударило о шлем Джерри. Это Леора соприкоснулась с ним шлемом и, так сказать, вошла в контакт, поскольку переговорные мембраны были бесполезны в этом вакууме.

— Джерри, мне... не нравится этот Разум. Я думаю, что он злой!

— Наверное, — философски заметил Джерри, — комары тоже иногда считают людей злыми, натываясь на оконную сетку. Но боюсь, что он выигрывает спор. Я совершенно запутался, когда профессор начал двигаться вбок, чтобы оказаться вверху, и вперед, чтобы очутиться вниз, и по кругу, чтобы продвинуться вперед... Погоди-ка!

— Что? — прозвучал в металлическом шлеме тихий и определенно печальный, хоть и все еще твердый голос Леоры. — Что, Джерри?

— Значит, профессор делал что-то невозможное! Подожди минутку! Я должен поделиться с ним! Профессор!

Он потянул за ремень, который связывал его с профессором. Шлем ученого врезался с громовым треском врезался в его шлем.

— Идиот! — рявкнул профессор. — Вы чуть не разбили мой шлем! В чем дело?

— Я придумал, как добраться домой!

— Статистик не может думать, — раздраженно сказал профессор. — Я рассчитал, что рано или поздно мы по законам чистой вероятности достигнем нашей собственной Вселенной. Сейчас я высчитываю наиболее вероятное время этого события.

— В самом начале кислорода у нас было, наверное, часа на три. Звучит многообещающе?

— Нет! Потребуется порядка нескольких миллионов лет. Или миллиардов.

— Интересно, но непрактично, — сказал Джерри. — А теперь послушайте меня. Раньше вы ходили и двигались в нужном направлении, используя квадратный корень из минус единицы. Но вы ведь не ожидали, что придется вводить эту коррекцию, не так ли?

— Конечно, нет! Но я сознавал и понимал окружающие условия.

— Понимали! — удовлетворенно повторил Джерри. — В этот-то все и дело. Я тоже некоторое время понимал. И ясно видел, что время — это только измерение, что будущее и прошлое едины и что все явления и времена сосуществуют. Тогда я это прекрасно осознавал. Но мой мозг не обучен запоминать подобные вещи, и теперь я помню это смутно, как сон, причем крайне важные фрагменты ускользают из памяти. Скажите, а вы что-либо позабыли?

— Разумеется, нет! С какой стати?

— Так и должно быть, — задумчиво согласился Джерри, — потому что ваш мозг обучен воспринимать факты в виде математических абстракций, и конкретные факты должны быть для вас совершенно ясны — что и дает нам шанс на спасение!

— К чему вы клоните? — подозрительно осведомился профессор.

— Всего лишь к тому, — ответил Джерри, — что мы снова оказались в трехмерном пространстве и по привычке мыслим в терминах трех измерений. Лично я не способен ду-

мать иначе. Но недавно мы находились в мире, обладающем бесконечным числом измерений — и мыслили в многомерных терминах. Мы одновременно видели все пространство и время. Мне это теперь неподвластно, но вы должны быть в состоянии и сейчас мыслить многомерно, если сознательно попытаетесь это сделать. И если вы это сделаете...

— Я не хочу думать об измерениях, — жалобно сказала Леора. — Я хочу домой!

— Гм, — сказал профессор. — После длительной подготовки из вас, Джерри, может выйти что-то большее, чем простой статистик. Дайте мне подумать!

Снова наступила тишина. Далекое, яркие и враждебные звезды освещали три крошечных скафандра, висящие в бесконечности. Чье-то движение заставило всю эту непостижимую вселенную спокойно вращаться вокруг них — хотя на самом деле, конечно, вращались они. Кислородный клапан в шлеме Джерри шипел и щелкал. Вдруг ему показалось, что шум клапана изменился. Давление кислорода падало.

Джерри протянул руку в перчатке.

— Поторопитесь, профессор, — сказал он, — у меня почти закончился кислород.

Затем он почувствовал странный холод. Его протянутая рука нащупала пустоту. Он резко повернул голову и в холодном свете множества звезд увидел, что профессор исчез. Понесся испуганный голос Леоры:

— Джерри — мой кислород! Кислород на исходе...

— Кислорода в скафандрах хватит минут на пять, — твердо сказал Джерри, — и профессор исчез.

Сознание их заполнил громоподобно тихий голос: Разум вернулся, чтобы напоследок поиздеваться над ними.

— Глупцы! Ваш туннель уничтожен. Пока вы будете умирать один за другим, размышляйте о своей самонадеянности!

Голос умолк. И Джерри вдруг взбесился.

— Эта проклятая тварь... — задыхался он, — эта проклятая тварь забрала профессора и убила его. Он собирается убить нас одного за другим, Леора! Я буду крепко тебя держать. Так крепко, что ничто и никогда не сможет тебя у ме-

ня отнять. Мы умрем, но умрем вместе!

Голос Леоры донесся до него сквозь плотно сомкнутые шлемы.

— Джерри, я хочу тебе сказать... Я решилась на это... приключение... потому что ты захотел отправиться с профессором. Ты никогда не обращал на меня особого внимания, но если нам суждено умереть... Я рада, что мы умрем — вместе.

Ее руки обвили вокруг его шеи, обнимая неуклюжий скафандр. Вселенная звезд размеренно вращалась вокруг двух карликов, повисших в бесконечности, двух тесно слившихся марионеток, нескладно сработанных из резины, стали и стекла, которые цеплялись друг за друга под играющими разноцветными лучами равнодушных звезд.

— Черт возьми! — горько улыбнулся Джерри. — А я не осмеливался сказать, что люблю тебя, потому что у тебя было так много денег, и ты могла решить, будто я охочусь за богатством! Эти чертовы шлемы... Неужели мне суждено умереть, так и не поцеловав тебя! Вот что самое обидное!

А потом что-то потащило его. Невероятно. Невыносимо. Он крепко держался за Леору, одновременно борясь с этой силой.

— Проклятый Разум, — процедил он сквозь зубы, — пытается нас разлучить...

Тяготение стало непреодолимым. Они изо всех сил цеплялись друг за друга изо всех сил. Что-то поддалось. Мучительная тошнота. Невероятное, душераздирающее головокружение. Затем ощущение тяжести...

Они растянулись на полу. Под ними был пол. На них падал свет. Чьи-то руки потянули их за собой.

— Жалкий интеллект, да? — прошипел голос профессора дрогнув. — Низший уровень, да? Я ему покажу!

Джерри огляделся по сторонам. Сорвал с головы шлем. Поспешно, неумело освободил от шлема Леору. И поцеловал ее. Несколько раз. Они были в лаборатории. Профессор, успевший полностью снять скафандр, бешено жестикулировал.

— Смотрите! — яростно распорядился Краббе. — Он уничтожил мой вортекс! Смотрите!

Джерри почувствовал, как рука профессора легла на его плечо, заставляя смотреть. Он неохотно повернул голову. Но он по-прежнему крепко держал Леору.

— Э-э... так вы вернулись, сэр? — спросил он.

Профессор пристально поглядел на него.

— Подобный вопрос, — сказал он с усмешкой, — мог задать только статистик. Вы были правы в одном. В силу привычки я мыслил в терминах трех измерений, в то время как незадолго до этого мне представилась беспрецедентная возможность увидеть математические абстракции в виде конкретных фактов. Вы не преминули напомнить мне о практическом аспекте только что полученных знаний. Конечно же, я был в состоянии представить точное направление, в котором я должен был двигаться, чтобы оказаться в своей лаборатории. На самом деле, я просто протянул руку, взялся за дверную ручку и втянул себя в лабораторию. Я снял скафандр и занялся своими заметками, но тут мне бросилось в глаза, что вортекс исчез, и я вспомнил о вас. Я потянул за ремень, прикрепленный к скафандру. Так вы очутились здесь. И вы еще спрашиваете, вернулся ли я!

— Согласен, это был глупый вопрос, сэр, — извиняющимся тоном сказал Джерри.

Профессор Краббе слегка оттаял.

— В конце концов, — снизошел он, — не следует ожидать слишком многого от статистика. К тому же, вы сумели выдвинуть полезное предположение. Мне достаточно было протянуть руку из глубин пространства иной вселенной и нащупать дверную ручку, чтобы оказаться дома. И теперь, исключительно благодаря этому знанию, путешествие во всех измерениях — это сама простота. Я шагну в ту вселенную, где мы побывали, и сразу вернусь обратно. Хочу показать вам, насколько это просто. Смотрите!

Презрительно улыбаясь, Краббе взялся за дверную ручку. Джерри внезапно бросился вперед.

— Стойте! Подождите! Не делайте этого...

Но профессор уже исчез. Исчез, как задумое пламя свечи. Леора машинально придвинулась ближе к Джерри. Джерри побледнел. Профессор не появлялся. Не возвращался. Минута, две, три, четыре...

— Проклятье! — медленно и беспомощно произнес Джерри. — Ну что за дьявольщина! Он владел знаниями и мог свободно путешествовать между вселенными. Но из всех мыслимых мест он выбрал то, где мы чуть не погибли...

— Но почему бы и нет? — спросила Леора. — Почему бы и нет? Разум?

— Нет! — с горечью сказал Джерри. — Скафандр. Он же снял скафандр! Как долго он смог бы прожить в вакууме, среди звезд? Он мертв, черт побери! Умер единственный человек, который мог ответить на вызов этого проклятого Разума — вызов извне.

ВЫЗОВ ИЗВНЕ

ФС

**Кэтрин Мур
Абрахам Меррит
Г. Ф. Лавкрафт
Роберт Говард
Фрэнк Белнап Лонг**

Глава 1

Кэтрин Мур

Джордж Кэмпбелл открыл затуманенные сном глаза и несколько минут лежал, глядя из-под полога палатки на бледную августовскую ночь, пока не проснулся окончательно, раздумывая, что же его разбудило. Свежий, чистый воздух канадских лесов действовал как снотворное, не менее сильное, чем любой наркотик. Кэмпбелл некоторое время лежал неподвижно, медленно погружаясь в восхитительные пограничные области сна, ощущая изысканную усталость, непривычную ломоту в натруженных мышцах, и после расслабился, чувствуя во всем теле изумительную легкость. То были самые чудесные минуты отпуска — отдых после тяжелого перехода, в ясную, сладкую лесную ночь.

С наслаждением снова погружаясь в забытие, он еще раз напомнил себе, что впереди его ждут три долгих месяца свободы — свободы от городов и однообразия, свободы от лекций, университета и студентов, не имеющих ни малейшего интереса к геологии, которой он зарабатывал себе на хлеб, вбивая знания в их ленивые головы. Свобода от...

Внезапно от восхитительной сонливости не осталось и следа. Откуда-то снаружи в тишину и покой ворвался пронзительный скрежет консервных банок. Джордж Кэмпбелл резко сел и потянулся за фонариком. Затем он рассмеялся и отложил фонарик в сторону, напрягая глаза в полуночном мраке: у палатки, переворачивая банки с его припасами, бродил, должно быть, какой-нибудь маленький, темный и безмянный ночной зверь. Он потянулся и пошарил у входа в палатку, ища подходящий снаряд. Пальцы сомкнулись на большом камне, и он замахнулся.

Но его рука застыла в броске. В этом камне, на который он наткнулся в темноте, было что-то странное. Камень был квадратный и гладкий, как кристалл, с тупыми закругленными углами и явно обработанный искусственно. Его грани так необычно ощущались в ладони, что Кэмпбелл вновь по-

тянулся за фонариком и направил луч на предмет, который держал в руках.

Он тут же забыл о сне, увидев, что именно нашарил в темноте. Станный гладкий куб был прозрачен, как горный хрусталь. Кварц, несомненно, но не типичный гексагональный кристалл. Каким-то образом — он не мог понять способ обработки — кристалл был вырезан в форме идеального куба со стертymi от времени гранями размером примерно четыре на четыре дюйма. Камень был невероятно истерт. Чрезвычайно твердый кристалл теперь округлился до такой степени, что углы почти исчезли и весь камень скорее напоминал по форме сферу. Долгие века, почти неисчислимые годы пролетели над этим странным прозрачным камнем.

Но самым странным было то, что Кэмпбелл смутно различил в центре кристалла — ибо в центре его покоился маленький диск из бледного и неведомого материала. На поверхности диска, заключенного в кварц, были глубоко вырезаны какие-то знаки. Заостренные письмена, отдаленно напоминающие клинопись.

Джордж Кэмпбелл нахмурил брови и в беспомощном раздумье склонился над очутившейся в его руках маленькой загадкой. Как мог этот диск оказаться в массиве чистого горного хрусталя? В его сознании всплыло туманное воспоминание о древних легендах, в которых кристаллы кварца именовались льдом, замерзшим слишком сильно и неспособным растаять. Лед и клинописные знаки: разве такие письмена не появились у шумеров, пришедших в незапамятные времена с севера и поселившихся в первобытной Месопотамской долине? Затем в нем возобладало здравомыслие, и он рассмеялся. Кварц, конечно же, образовался в самый ранний из геологических периодов Земли, когда вокруг не было ничего, кроме жара и вздымающихся пород. Кристалл возник за десятки миллионов лет до того, как на планете появился первый лед.

Но все же — эта надпись. Вне всякого сомнения, рукотворная, хотя знаки были незнакомы, за исключением слабого намека на клинопись. Быть может, палеозойский мир населяли существа, которые владели письменностью и вы-

резали эти клинообразные знаки на плененном кварцем диске? А может, этот предмет упал из космоса, как метеорит, на еще мягкую скальную породу расплавленного мира? Возможно ли, что кристалл...

Кэмпбелл с усилием взял себя в руки и почувствовал, как горят его уши. Что за полеты воображения! Тишина, одиночество и странный предмет в руках словно сговорились сыграть с ним дурную шутку и опровергнуть все доводы здравого смысла. Он пожал плечами и положил кристалл на край своей подстилки, погасив фонарик. Утро и ясная голова, рассудил Кэмпбелл, наверняка подскажут ответы на вопросы, которые сейчас казались неразрешимыми.

Но сон никак не приходил. Начать с того, что, когда он погасил фонарик, кристалл — как ему показалось — словно на миг засиял сохраненным светом, прежде чем раствориться в окружающей темноте. Не исключено, что он ошибся. Вероятно, ослепленным ярким лучом глазам лишь почудился этот свет, неохотно покидавший кристалл и сиявший в его глубинах с такой странной настойчивостью.

Он долго ворочался, снова и снова обдумывая оставшиеся без ответа вопросы. Нечто в этом хрустальном кубе говорило о неизмеримых далях прошлого, возможно, о самой заре истории, и этот загадочный вызов не давал ему заснуть.

Глава 2

Абрахам Меррит

Кэмпбелл чувствовал, что прошло много часов, пока он лежал без сна, все думая об этом таящемся свете, этом свечении, казалось, так неохотно умиравшем... Словно что-то в кристалле проснулось, сонно пошевелилось, внезапно насторожилось... и стало внимательно следить за ним.

Чистейшая фантазия! Он нетерпеливо пошевелился и посветил фонариком на часы. Почти час ночи, до рассвета еще три часа. Луч упал и сфокусировался на теплом хрустальном кубе. Кэмпбелл поднес фонарик совсем близко и освещал кристалл в течение нескольких минут. Затем щелкнул кнопкой и стал наблюдать.

Теперь сомнений не оставалось. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что в глубине странного кристалла мерцали крошечные перебегающие огоньки, подобные нитям сапфировых молний. Они сгущались к центру и, казалось, исходили из бледного диска с тревожными знаками. А сам диск увеличивался в размерах... знаки изменяли форму... кристалл разрастался... неужели все это иллюзия, созданная маленькими молниями...

Он услышал какой-то звук. Точнее, призрак звука, напоминающий звон призрачных струн арфы под призрачными пальцами. Он наклонился ближе. Звук раздавался из куба...

В подлеске слышалось шуршание, быстро замелькали какие-то тела, после прозвучал и вскоре затих мучительный вой, как если бы ребенок задыхался в предсмертной агонии. Одна из маленьких трагедий дикой природы — убийца и жертва. Кэмпбелл подошел ближе к месту кровопролития, но не сумел ничего разглядеть. Он снова выключил фонарик и бросил взгляд на палатку. На земле мерцало что-то бледно-голубое. Это был куб. Он наклонился, собираясь поднять кристалл — но, повинувшись какому-то неясному предчувствию, отдернул руку.

И вновь он увидел, как сияние начало угасать. Крошечные сапфировые молнии судорожно вспыхивали, отступая к своему источнику. Из кристалла не доносилось ни звука.

Он сидел, наблюдая, как свечение вспыхивало и угасало, вспыхивало и угасало, становясь все более тусклым. Затем ему пришло в голову, что для возникновения этого явления необходимо сочетание двух элементов — самого электрического луча и его собственной мысленной концентрации. Его разум должен пролететь по лучу, устремиться к сердцу кристалла, чтобы сердце это забилося и затем... что?

Кэмпбелл почувствовал на душе холод, словно от соприкосновения с чем-то чужеродным. Кристалл был чужим, он знал это; не с этой планеты, не из этой, земной жизни. Преодолевая дрожь, он поднял кристалл и внес его в палатку. Куб не был ни холоден, ни горяч; рука ощущала лишь его вес. Он положил камень на стол, отведя луч фонарика в сторону, затем подошел ко входу в палатку и опустил полог.

Он вернулся к столу, придвинул складной стул и направил луч света прямо на куб, стараясь сфокусировать луч на сердцевине кристалла; и вместе с лучом, держа фонарик, он направил на кристалл всю свою волю, все свои мысли.

Словно по команде, вспыхнули сапфировые молнии. Они вырвались из диска и впились в тело хрустального куба, затем отхлынули назад, освещая диск и знаки. И знаки начали меняться, перемещаясь, двигаясь, приближаясь и отступая в голубом сиянии. Это была уже не клинопись. Это были вещи... объекты.

Он слышал тихую музыку, звенящие струны арфы. Мелодия звучала все громче и громче, и теперь весь куб вибрировал в ее ритме. Хрустальные стены растворялись, расплывались, будто состояли из алмазного тумана. И сам диск увеличивался... текучие формы делились, множились — словно открылись некие врата и в проем хлынули орды призраков. Пульсирующий свет становился все более ярким.

Кэмпбелл ощутил приступ паники, попытался отвести взгляд, ослабить напряжение воли, уронил фонарик. Но кристаллу уже не нужен был свет... и он не мог освободиться... не мог освободиться? Нет, его самого засасывало в этот диск,

ставший теперь шаром, внутри которого неведомые формы танцевали под музыку, заливавшую сферу ровным сиянием.

Палатки больше не было. Была только огромная завеса сверкающего тумана, и за нею сиял шар... Он чувствовал, как туман втягивает его и, словно могучий вихрь, влечет прямо к сфере.

Глава 3

Г. Ф. Лавкрафт

Туманный свет сапфировых солнц разгорался все ярче и ярче, и контуры шара дрожали и растворялись в бурлящем хаосе. Бледные очертания сферы, ее движение и музыка смешивались с окружающим туманом — обесцвечивая дымку до оттенка светлой стали. Клубы тумана перестилались волнообразными пластами, и сапфировые солнца постепенно и незаметно растворялись в серой бесконечности бесформенной пульсации.

Между тем, осязаемое движение вперед и вовне становилось невыносимо, невероятно, космически быстрым. Любая известная на Земле скорость казалась в сравнении с ним ничтожной, и Кэмпбелл понимал, что подобный полет в физической реальности означал бы для человека мгновенную смерть. Даже сейчас — в этом странном, адском гипнозе или кошмаре — кажущиеся зримые впечатления стремительно метеоритного полета почти парализовали его сознание. Хотя в серой пульсирующей пустоте не было никаких реальных ориентиров, он чувствовал, что движется с близкой к световой скоростью, нет, превзошел ее. Наконец его сознание все же сдалось и милосердная тьма поглотила все.

Внезапно, в этой непроницаемой тьме, мысли и образы снова вторглись в разум Джорджа Кэмпбелла. Он не мог определить, сколько мгновений — или лет — или вечностей — прошло с начала его полета сквозь серую пустоту. Он знал только, что был спокоен и не испытывал боли. И действительно, главным свойством его состояния было отсутствие всех физических ощущений. Из-за этого даже сама чернота казалась менее плотной и черной: это наводило на мысль, что он был скорее бестелесным разумом, находящимся за пределами физических чувств, чем телесным существом, обладающим чувствами, но лишенным привычных объектов восприятия. Он был способен мыслить ясно и быстро — почти сверхъестественно быстро — но все-таки не имел ни ма-

лейшего представления о своем положении.

Он понял, наполовину инстинктивно, что находится не в палатке. Конечно, он мог бы, скажем, очнуться там от кошмара в таком же черном мире — но он знал, что это не так. Под ним не было походной койки — у него не было рук, чтобы потрогать одеяло, брезентовые стены палатки и фонарик, которые должны были находиться рядом — не было ощущения холода в воздухе — не было полога, который можно было бы откинуть и увидеть бледную ночь снаружи... что-то с ним было не так, что-то случилось ужасное...

Он мысленно вернулся к самому началу, припомнил светящийся куб, что загипнотизировал его — этот кристалл и все остальное. Он сознавал, что его разум втягивался в кристалл, но был не в силах противиться. В последний миг его охватил жуткий, панический страх — подсознательный страх, даже более сильный, чем тот, что вызван был ощущением демонического полета. Это была какая-то неясная вспышка или отдаленное воспоминание — что именно, он не смог бы сказать. Какая-то группа клеток в глубинах его мозга, казалось, обнаружила некое присущее кристаллу и отдаленно знакомое свойство — и это нечто тайло в себе смутный ужас. Теперь он пытался вспомнить, в чем состояло это ужасающее свойство.

Мало-помалу он сообразил. Когда-то — давным-давно, в связи со своими геологическими исследованиями — он читал о чем-то подобном этому кубу. Это было как-то связано с тревожащими и вызвавшими многочисленные споры глиняными фрагментами, так называемыми Эльтдаунскими табличками*, найденными в пред-каменноугольных слоях Южной Англии тридцатью годами ранее. Их форма и отметины на них были настолько странными, что некоторые ученые намекали на их искусственное происхождение и строили самые дикие предположения. Фрагменты явно относились

* В т. наз. лавкрафтианской «мифологии» — одно из таинственных древних сочинений; впервые «Эльтдаунские таблички» были описаны корреспондентом Лавкрафта Р. Сирайтом в рассказе *Запертый ларец*, опубликованном в марте 1935 г.

к тем временам, когда на земном шаре не было никаких человеческих существ — однако их очертания и «знаки» на них были чертовски загадочны. Так и появилось название «Эльтдаунские таблички».

Однако упоминание о хрустальном шаре с диском внутри Кэмпбелл встретил отнюдь не в трудах здравомыслящих ученых. Источник был гораздо менее авторитетным и бесконечно более колоритным. Около 1912 года глубоко образованный сассекский священник, тяготевший к оккультизму — преподобный Артур Брук Уинтерс-Холл — заявил, что ему удалось отождествить отметины на Эльтдаунских табличках с некоторыми из так называемых «дочеловеческих иероглифов», которые бережно хранились и тайно передавались из поколения в поколение в определенных мистических кругах. Затем Уинтерс-Холл за свой счет опубликовал текст, якобы представлявший собой «перевод» этих первобытных и сбивающих с толку «надписей», причем упомянутый «перевод» с тех пор часто и уважительно цитировался различными оккультными авторами. В «перевод» — на удивление объемистой брошюре, учитывая ограниченное количество уцелевших «табличек» — было приведено повествование, предположительно составленное задолго до появления человека и содержащее то самое описание, ставшее теперь таким пугающим.

Согласно данной хронике, в одном из миров — а впоследствии в бесчисленных других мирах — внешнего космоса некогда обитал могущественный народ червеобразных существ, чьи достижения и власть над природой превосходили все доступное земному воображению. Рано овладев искусством межзвездных путешествий, черви заселили все пригодные для жизни планеты в своей галактике, уничтожив встреченные ими по пути расы.

Они были не в состоянии покинуть границы собственной галактики (не являвшейся нашей), но в жажде познания всех тайн пространства и времени открыли способ преодолевать некоторые трансгалактические бездны с помощью своего разума. С этой целью они изобрели необычные и любопытные объекты — насыщенные странной энергией крис-

таллические кубы с гипнотическими талисманами внутри, заключенные в прочные защитные сферические оболочки из неизвестного вещества. Посредством силовых ускорителей кристаллы выбрасывались за пределы вселенной червей; реагировали они лишь на притяжение холодной твердой материи.

Некоторые из этих объектов неизбежно приземлялись в различных обитаемых мирах и образовывали эфирные мосты, необходимые для ментального общения. Атмосферное трение сжигало защитную оболочку, оставляя куб открытым; таким образом, его могли обнаружить разумные существа того мира, где приземлился снаряд. Куб по самой своей природе и строению привлекал внимание. Этого, в сочетании с влиянием света, было достаточно, чтобы привести в действие особые механизмы кристалла.

Разум существа, заметившего куб, втягивался в него силой диска и отправлялся на нити неведомой энергии, через колоссальные межгалактические пропасти, туда, откуда был прислан кристалл — в далекий мир червеобразных космических исследователей. Захваченный разум, помещенный в одну из машин, на которую был настроен каждый куб, оставался в заключении, лишенный тела и чувств, пока его изучал один из представителей господствующей расы. После этого, при помощи таинственного процесса обмена, из плененного разума выкачивалось все содержимое. Благодаря данному процессу разум исследователя оказывался в странной машине, а захваченный разум занимал червеобразное тело дознавателя. Затем происходил еще один процесс обмена — разум дознавателя устремлялся через безграничное пространство к опустевшему и бессознательному телу пленника, оставшемуся в трансгалактическом мире; здесь он, насколько возможно, оживлял тело и исследовал чужой мир в облике одного из его обитателей.

Завершив свои исследования, искатель приключений использовал кристалл и диск для возвращения домой. Случалось так, что захваченный разум благополучно возвращался в свой собственный далекий мир — однако не всегда главенствующая раса была столь благожелательна. Время от вре-

мени, когда обнаруживалась потенциально опасная раса, способная к космическим путешествиям, червеобразный народ с помощью кристалла захватывал и уничтожал тысячи разумов и искоренял обнаруженную расу, руководствуясь «дипломатическими» соображениями и используя своих исследователей, занимающих чужие тела, в качестве агентов разрушения.

В других случаях отряды червеобразного народа оккупировали трансгалактические планеты на постоянной основе, расправляясь с захваченными разумами и стирая с лица земли оставшихся жителей, прежде чем поселиться в незнакомых телах. В таких случаях, однако, им никогда не удавалось полностью воспроизвести исходную цивилизацию, поскольку на новых планетах не хватало материалов, необходимых для развития космического искусства расы червей. Кристаллы, к примеру, могли быть изготовлены только на их родной планете.

Лишь немногие из бесчисленных отправленных кристаллов совершали посадку и подавали сигнал из обитаемых миров, так как черви могли руководствоваться исключительно своими наблюдениями и познаниями и были не в состоянии *нацелить* свои снаряды на ту или иную планету. Только три, гласило повествование, обнаружили обитаемые миры в нашей галактике. Один из них упал на планету у края галактики две тысячи миллиардов лет назад, другой обосновался три миллиарда лет назад на планете близ центра галактики. Третий кристалл — и единственный, когда-либо вторгавшийся в Солнечную систему — достиг нашей Земли 150 миллионов лет назад.

Именно этому последнему и был в основном посвящен «перевод» доктора Уинтерса-Холла. Когда куб оказался на Земле, писал он, на нашей планете господствовала раса огромных существ конусообразной формы, превосходившая все предшествующие или последующие расы своими духовными качествами и достижениями. Эта раса была настолько развитой, что исследовала космос, отправляя разумов как через бездны пространства, *так и времени*; вследствие этого конические существа сумели догадаться, что произошло, ко-

гда некоторые представители расы претерпели ментальные изменения после контакта с кристаллом.

Понимая, что тела изменившихся индивидуумов стали обиталищем разумов-захватчиков, вожди земной расы приказали их уничтожить — даже ценой того, что захваченные земные разумы навсегда остались изгнанниками в чужом пространстве. Им были знакомы и более странные перемещения. Получив в результате исследований пространства и времени приблизительное представление о сущности куба, они надежно укрыли кристалл от света и глаз и охраняли его как опасную находку. Им не хотелось уничтожать устройство, воплощавшее столько возможностей для будущих экспериментов. Время от времени какой-нибудь опрометчивый и бессовестный авантюрист — решивший, несмотря на последствия, испытать на себе опасную силу кристалла — тайком получал к нему доступ, однако все подобные инциденты были вовремя выявлены и со всей суровостью благополучно сведены на нет.

Единственным отрицательным следствием преступного вмешательства стало то, что червеобразная раса узнала от новых изгнанников о судьбе своих исследователей на Земле и возненавидела планету и всех ее обитателей. Черви с радостью уничтожили бы их всех, если бы могли — и действительно отправили в космос дополнительные кристаллы в отчаянной надежде, что они случайно приземлятся в неохранных местах на Земле; но надежды червей, к счастью, не оправдались.

Конусообразные существа хранили единственный достигший Земли куб в особом святилище великого полярного города в качестве реликта и материала для экспериментов, но многие эоны спустя он был утрачен в хаосе войны и разрушений. Когда эти существа пятьдесят миллионов лет назад отправили свои разумы в бесконечность будущего, чтобы избежать безымянной опасности, исходящей из внутренних областей Земли, даже примерное местонахождение зловещего куба из космоса было окончательно забыто.

Таково, согласно ученому оккультисту, было содержание Эльтдаунских табличек. Туманный ужас, который навяло

на Кэмпбелла воспоминание об этом рассказе, объяснялся исключительной точностью в описаниях инопланетного кристалла. Совпадали мельчайшие детали — размеры, прозрачность, диск с иероглифами, гипнотические эффекты. Снова и снова обдумывая все это во тьме, посреди нигде, Кэмпбелл начал задаваться вопросом, не был ли весь его опыт с хрустальным кубом — да и само существование кристалла — кошмаром, вызванным каким-то причудливым подсознательным воспоминанием о давнем чтении этого экстравагантного и шарлатанского «перевода». Но если это так, решил он, кошмар все еще должен продолжаться, ибо в его нынешнем и кажущемся бестелесным состоянии не было ни капли нормальности.

Кэмпбелл был не в силах оценить, сколько времени заняли его озадаченные размышления и воспоминания. Все в его состоянии было настолько нереальным, что обычные измерения и цифры обесмыслились. Казалось, прошла целая вечность — но, возможно, лишь минуты и часы — когда все внезапно изменилось. Происшедшее было таким же странным и необъяснимым, как и прежняя темнота. Появилось некое ощущение, скорее умственное, чем физическое, и вдруг Кэмпбелл осознал, что больше не контролирует свои мысли.

Они текли беспорядочным и хаотическим потоком, возникали и исчезали случайные и неуместные воспоминания. Все, что он знал — все его прошлое, память, опыт, знания, мечты, идеи, идеалы — вспыхнуло внезапно и одновременно, изливаясь с головокружительной скоростью и щедростью. Вскоре он уже не мог следить за отдельными мыслями. Парад содержимого его разума превратился в лавину, водопад, вихрь. Это ошеломляло, вселяло такой же ужас, как гипнотический полет через пространство во власти хрустального куба. И наконец сознание покинуло его и пришло новое забвение.

Снова безмерная пустота — и затем медленный прилив ощущений. На сей раз они были физическими, а не ментальными. Сапфировый свет и низкий рокот отдаленных звуков. Были и тактильные впечатления — он сознавал, что лежит

на чем-то, растянувшись во весь рост, хотя в его позе чувствовалась какая-то неуловимая странность. Давление опорной поверхности никак не сочеталось с очертаниями его тела — или человеческого тела вообще. Он попытался пошевелить руками, но руки не откликнулись на эту попытку. Вместо движений рук он ощутил слабые и бесплодные нервные подергивания во всей той области, что занимало, казалось, его тело.

Он силился шире открыть глаза, но обнаружил, что не может управлять их механизмом. Кэмпбелл видел рассеянный, туманный сапфировый свет, однако ему никак не удавалось сфокусировать зрение на чем-то определенном. Но постепенно в его сознание начали нерешительно просачиваться странные зрительные образы. Качество и пределы видения отличались от привычных, и тем не менее он мог примерно соотнести ощущение с тем, что было известно ему как зрение. Когда это новое ощущение обрело некоторое постоянство, Кэмпбелл понял, что все еще, должно быть, пребывает во власти мучительного кошмара.

Он находился, казалось, в обширном квадратном помещении с потолком средней высоты и длинными стенами. Со всех сторон — а он, по-видимому, мог глядеть во все четыре стороны сразу — в стенах были прорезаны высокие и узкие щели, одновременно служившие, судя по всему, дверями и окнами. В комнате стояли странные низкие столы или пьедесталы, но не имелось мебели обыкновенного вида и пропорций. Сквозь щели струились потоки сапфирового света, а за ними смутно виднелись стены и крыши фантастических зданий, похожих на гроздья кубов. На стенах, в вертикальных панелях между прорезями, были начертаны незнакомые и отчего-то беспокоившие его знаки. Прошло некоторое время, прежде чем Кэмпбелл понял, почему эти знаки так тревожили его — на стенах многократно повторялись иероглифы с диска в хрустальном кубе.

Однако главная составная часть кошмара этим не ограничилась. Ужас возвестил о себе появлением живого существа, которое вскоре вошло в комнату через одну из прорезей и стало медленно приближаться к Кэмпбеллу, неся при-

чудливый металлический ящичек с зеркальными и напоминавшими стеклянные стенками. В этом существе не было ничего человеческого — ничего земного, пусть даже пришедшего из земных мифов и снов. Это был гигантский бледно-серый червь или многоножка, в диаметре размером с человека и вдвое длиннее, с похожей на диск и, очевидно, безглазой головой, окаймленной ресничками; в центре ее зияло пурпурное ротовое отверстие. Существо скользило на задних парах ног, держа переднюю часть тела вертикально — передние ноги или, по крайней мере, две пары из них служили руками. Вдоль всей спины тянулся прихотливый лиловый гребень; чудовищное туловище заканчивалось веерообразным хвостом из какой-то серой кожистой мембраны. Шею окружало кольцо гибких красных шипов — они изгибались и сокращались в размеренном и правильном ритме, производя щелчки и резкие звенящие звуки.

То была высшая точка, вершина невероятного кошмара — апогей капризной фантазии. Но даже не это бредовое видение заставило Джорджа Кэмпбелла в третий раз потерять сознание. Потребовалось еще одно — завершающий, невыносимый мазок на картине. Когда безмянный червь приблизился со своей блестящей ношей, лежащий человек уловил на зеркальной грани отражение того, что считал своим телом. И то, что отразил полированный металл, стало ужасающим подтверждением его беспорядочных и чуждых ощущений. Вместо человеческого тела он увидел отвратительную бледно-серую тушу одной из огромных многоножек.

Глава 4

Роберт Говард

Кэмпбелл вынырнул из последнего провала бесчувствия, полностью осознавая свое положение. Его разум был заключен в тело жуткого уроженца чужой планеты, в то время как где-то, на другом конце вселенной, его собственным телом управлял разум монстра.

Он подавил неизъяснимый ужас. Если судить с космической точки зрения, почему подобная метаморфоза непременно должна ужасать? Жизнь и сознание были единственной реальностью во Вселенной. Форма не имела значения. Его нынешнее тело было омерзительным только по земным меркам. Страх и отвращение утонули в волнении титанического приключения.

Чем было его прежнее тело, как не плащом, который в конце концов он все равно сбросил бы после смерти? Он не испытывал сентиментальных иллюзий в отношении жизни, из которой был изгнан. Что она дала ему, кроме тяжелого труда, бедности, постоянных разочарований и угнетения? Если новая жизнь не предлагала лучшего, то, во всяком случае, обещала не меньше. Однако интуиция подсказывала ему, что впереди его ждет большее — гораздо большее.

С честностью, возможной только тогда, когда жизнь обнажена до самых голых основ, он понял, что с удовольствием вспоминает лишь физические наслаждения своего прежнего существования. Но он уже давно исчерпал все физические возможности, заключенные в земном теле. На Земле для него не осталось новых острых ощущений. Однако обладание этим новым, чужеродным телом обещало странные, экзотические радости.

В нем поднялась волна беззаконного ликования. Он был человеком без мира, свободным от всех условностей и запретов Земли или этой незнакомой планеты, свободным от всех искусственных ограничений гражданином Вселенной. Он был богом! С мрачным весельем он думал о своем теле,

вращающемся в земном обществе, занятом земными делами, в то время как инопланетное чудовище глядело на людей из окон, бывших некогда глазами Джорджа Кэмпбелла. О, они бежали бы в ужасе, если бы знали!

Пусть монстр ходит по Земле, убивая и разрушая, если ему так угодно. Земля и ее расы утратили для Джорджа Кэмпбелла всякое значение. Там он был одним из миллиардов ничтожеств, прикрепленных к отведенному ему месту нагромождением условностей, законов и обычаев, обреченных жить и умирать в своей грязной нише. Но одним слепым прыжком он воспарил над обыденностью. Это была не смерть, а перерождение — рождение полноценной психики и вновь обретенной свободы, в сравнении с которой физический плен на Йекубе казался пустячным.

Он вздрогнул. Йекуб! Так называлась эта планета, но откуда он это знал? Но он знал, как знал и имя того, чье тело занимал — Тоте. Память, глубоко спрятанная в разуме Тоте, шевелилась в нем — тени знания, которым чужак обладал. Глубоко выгравированные в физических тканях мозга, эти внедренные познания что-то смутно нашептывали Джорджу Кэмпбеллу; и его человеческое сознание уловило и перевело этот шепот, указав ему путь не только к безопасности и свободе, но и к власти, которой жаждала его душа, обнаженная теперь вплоть до уровня примитивных инстинктов. Не как раб он будет жить на Йекубе, но как царь! Да, он будет царить, как древние варвары, взошедшие на троны могущественных империй!

Он впервые пристально рассмотрел обстановку комнаты. Он все еще лежал на похожем на кушетку возвышении посреди этого фантастического помещения, а многоногий житель Йекуба стоял перед ним, держа полированный металлический ящик и сокращая шейные шипы. Кэмпбелл знал, что существо говорит с ним, и смутно понимал его речь благодаря внедренным в его разум мыслительным процессам Тоте; он также знал, что это существо было Юктом, Верховным владыкой науки.

Но Кэмпбелла ничуть не интересовали слова Юкта: в его голове успел зародиться отчаянный план — план, настоль-

ко чуждый обычаям Йекуба, что Юкт был не в силах его понять и был застигнут врасплох. Он, как и Кэмпбелл, видел лежащий на соседнем столе остроконечный металлический предмет. Но для Юкта это был всего лишь научный инструмент. Он даже не знал, что его можно использовать как оружие. Земной разум Кэмпбелла снабдил его знаниями и подсказал дальнейшие действия, заставив его тело совершить то, что никогда раньше не делал ни один уроженец Йекуба.

Кэмпбелл схватил остроконечный предмет и ударил, яростно рванув свое оружие вверх. Юкт взвился на дыбы и упал, его внутренности вывалились на пол из рассеченного живота. Через мгновение Кэмпбелл уже мчался к двери. Его скорость была головокружительной, сверхъестественной — первым даром новых физических способностей.

Он бежал, полностью полагаясь на инстинктивное знание, заложенное в рефлексы Тота; казалось, его ногами управляло отдельное сознание. Тело Тоте влекло его по пути, которое проходило десятки тысяч раз, когда им еще распоряжался разум червя.

Кэмпбелл пробежал по извилистому коридору, вверх по винтовой лестнице, через резную дверь — и инстинкты, приведшие его сюда, подсказали, что он нашел искомое. Он очутился в круглом помещении с куполообразной крышей, разливавшей вокруг мертвенно-голубой свет. В центре радужного пола высилось странное ступенчатое сооружение; каждый ярус его был окрашен в отличительный цвет. Последний представлял собой пурпурный конус; голубая дымка тумана поднималась с его вершины к сфере, парящей в воздухе и сиявшей, как полупрозрачная слоновая кость.

Это, говорили Кэмпбеллу глубоко внедрившиеся в сознание воспоминания Тоте, был бог Йекуба. Правда, обитатели Йекуба уже миллион лет назад забыли, почему боялись своего бога и поклонялись ему. Жрец-червь стоял между Кэмпбеллом и алтарем, которого никогда не касалась плоть — ибо прикосновение к алтарю было кощунством, о каком не мог и помыслить рожденный в Йекубе. Жрец стоял неподвижно, скованный леденящим ужасом, пока оружие Кэмп-

белла не вырвало из него жизнь.

Перебирая многочисленными ногами, Кэмпбелл взобрался на ступенчатый алтарь, не обращая внимания ни на его внезапное содрогание, ни на изменения, происходившие в парящем шаре, ни на дым, клубившийся теперь синими облаками. Суеверий Йекуба он страшился не больше, чем суеверий Земли. С этим шаром в руках он станет властелином Йекуба. Народ червей не посмеет ни в чем ему отказать, когда он возьмет в заложники их бога. Он потянулся к сфере — теперь уже не цвета слоновой кости, а красной, как кровь...

Глава 5

Франк Белнап Лонг

В бледную августовскую ночь из палатки вышло тело Джорджа Кэмпбелла. Огибая стволы огромных деревьев, оно двигалось медленной, шатающейся походкой по лесной тропе, усыпанной сладко пахнущими сосновыми иглами. Воздух был свежим и холодным. Небо напоминало перевернутую чашу матового серебра, сверкавшую звездной пылью, и далеко на севере полярное сияние разбрызгивало потоки огня.

Голова идущего человека пугающе моталась из стороны в сторону. Из уголков его вялого рта стекали густые струйки янтарной пены, дрожавшие на ночном ветру. Сперва он шел выпрямившись, как и подобает человеку, но постепенно, по мере отдаления от палатки, его походка стала изменяться. Торс начал почти незаметно наклоняться, конечности — укорачиваться.

В далеком космическом мире многоножка, бывшая когда-то Джорджем Кэмпбеллом, прижимала к груди кроваво-красного бога и, содрогаясь, как насекомое, бежала через радужный зал. Миновав массивный портал, она вышла в яркое сияние чужих солнц.

Извиваясь между деревьями Земли в позе, навевавшей мысли о неуклюжих движениях оборотня, тело Джорджа Кэмпбелла следовало бессмысленному зову инстинкта. Загребая длинными когтистыми пальцами листья с ковра пахучих сосновых иголок, оно ползло к широкой сверкающей ленте воды.

В далеком, внегалактическом мире, где обитал народ червей, Джордж Кэмпбелл полз между циклопическими строениями из черного камня по длинным, усаженным папоротниками улицам, высоко поднимая вверх круглого красного бога.

В подлесе у поблескивавшего земного озера, где тело человека, ведомое инстинктом, тайло в себе разум червеоб-

разного существа, раздался пронзительный звериный вой. Человеческие зубы впились в мягкий мех, рвали темное мясо животного. Маленькая серебристая лисичка в яростной мести вонзила клыки в мохнатое человеческое запястье и в ужасе забилась, когда хлынула кровь. Тело Джорджа Кэмпбелла медленно поднялось. Губы были забрызганы свежей кровью. Странно размахивая верхними конечностями, тело двинулось к озеру.

Пока полиморфное существо, некогда бывшее Джорджем Кэмпбеллом, проползало между черными каменными строениями, тысячи червеобразных фигур простирались перед ним в мерцающей пыли. Извивающееся тело существа, казалось, излучало богоподобную власть, когда оно медленными волонообразными движениями приближалось к трону духовной империи, превосходившей все царства земли.

Земной охотник, устало спотыкаясь в густых зарослях у палатки, вышел к блестящей глади озера и увидел в воде что-то темное. Охотник блуждал в лесу всю ночь, и бледном свете зари усталость окутывала его, как свинцовый плащ.

Но плавающее в воде тело бросало ему вызов, который он не мог отринуть. Подобравшись ближе к воде, он опустился на колени в мягкую грязь, потянулся к темной массе и вытащил тело на берег.

Далеко во внешнем космосе червеобразное существо, держа сверкающего красного Бога, взшло на трон, сияющий созвездием Кассиопеи под чуждым сводом сверхсолнц. Великое божество, которое он вздымал в воздух, наполняло энергией его тело червя, сжигая в белом огне неземного духа всю животную тщету.

На Земле охотник с невыразимым ужасом смотрел в почерневшее и заросшее волосами лицо утопленника. То было звериное лицо, отгалкивающее подобие человеческого. Из искривленного ужасного рта лилась черная гнилостная кровь.

— Тот, кто нашел твое Тело в безднах времени, занял непослушную обитель, — произнес Красный Бог. — Ни одно порождение Йекуба не в силах управлять телом человека.

По всей Земле живые существа терзают друг друга и с невыразимой жестокостью пожирают своих родных и близ-

ких. Разум червя не способен подчинить себе звериное тело человека, когда оно жаждет добычи. Только человеческий разум, развивавшийся и приспособившийся к тому на протяжении десяти тысяч поколений, может держать в узде инстинкты человека. Твое тело, в поисках крови своих животных собратьев и прохладной воды, в которой можно вдоволь искупаться, уничтожит себя на Земле. Устремленное к окончательной гибели, ибо инстинкт смерти в нем сильнее инстинкта жизни, оно разрушит себя в попытке вернуться в ту слизь, из которой возникло.

Так говорил круглый красный бог Йекуба в далеком сегменте пространственно-временного континуума Джорджу Кэмпбеллу, когда последний, очистившись от всех человеческих желаний, взошел на трон и стал править империей червей мудрее, справедливее и милосерднее, чем правил когда-либо империей людей любой из сынов Земли.

Примечания

Две новеллы-буриме, одинаково озаглавленные *Вызов извне*, стали результатом замечательного эксперимента, затеянного редакцией журнала *Fantasy Magazine*. Название этого американского журнала мало что скажет рядовому читателю, однако *Fantasy Magazine* вместе со своими предшественниками — *Time Traveller* и *Science Fiction Digest* (журнал выходил под этим названием с сентября 1932 по декабрь 1933 г.) — считается одним из первых в мире любительских «фэнзинов». Журнал уже располагал опытом

публикации такого рода коллективных текстов, называемых на английском «каруселью» — в 1933 г. здесь был опубликован роман-буриме *Космос*, в написании которого приняли участие многие известные авторы эпохи. Но, пожалуй, никогда еще проект «карусели» не собирал такого созвездия имен: С. Вейнбаум, Э. Э. Смит, М. Лейнстер, К. Мур, А. Меррит, Г. Ф. Лакрафт... Любопытен был и замысел параллельной публикации двух версий, относящихся, соответственно, к научной фантастике и *weird fiction* — «фантастике странного». Но, как часто бывает, коллективное произведение значительно уступало индивидуальным творениям авторов, что было особенно заметно в НФ-версии. Авторы «фантастики странного» продемонстрировали куда большую изобретательность и много лучшее владение пером. Особенно выделялся вклад Г. Ф. Лавкрафта, развившего рассказ своего корреспондента Р. Сирайта в практически самостоятельное и захватывающее повествование, посвященное «Эльтдаунским табличкам» и ментальной экспансии расы червеобразных галактических захватчиков. Обе новеллы были опубликованы в юбилейном выпуске *Fantasy Magazine* (сентябрь 1935 г.); в январе 1937 г. журнал прекратил свое существование.

На фронтисписе — иллюстрация Д. Айрленда.

Оглавление

ВЫЗОВ ИЗВНЕ: НФ

Глава 1. Стенли Г. Вейнбаум	7
Глава 2. Дональд Уондри	11
Глава 3. Эдвард Э. Смит	14
Глава 4. Харли Винсент	18
Глава 5. Мюррей Лейнстер	22

ВЫЗОВ ИЗВНЕ: ФС

Глава 1. Кэтрин Мур	29
Глава 2. Абрахам Меррит	32
Глава 3. Г. Ф. Лавкрафт	35
Глава 4. Роберт Говард	44
Глава 5. Франк Белнап Лонг	48

Примечания	51
------------	----

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.